

Шок. новости. — 1994. — 7-14 авг. — с. 20

Смерть Гамлета

Умер Иннокентий Смоктуновский. Актер милостью Божьей, каких немного бывает на свете. Великий Гамлет, князь Мышкин, образ которого навеки связан со Смоктуновским для всех, кто видел давний товстоноговский спектакль. Его глаза, руки, голос делали значительной любую, даже самую маленькую роль — кто не вспомнил тут же «Звезду пленительного счастья» или «Очи черные»? Артист, не умевший играть вопсылы, интуицией и мощью таланта всегда находивший наилучшее решение, теперь кажущееся единственным. Два месяца назад он поделился с «МН» радостью по поводу возвращения в страну Александра Солженицына, назвав его праздником для всех нас. «Сам этот человек, его жизнь — настоящее Чудо Божье», — сказал он тогда. Эти слова можно отнести и к самому Иннокентию Михайловичу. Мы публикуем отрывки из статьи известного литературоведа Наума Берковского о спектакле «Идиот» Георгия Товстоногова. Статья была опубликована в журнале «Театр» в 1958 году. Автору удалось рассмотреть в молодом тогда Смоктуновском искру гениальности.

Молодой актер Иннокентий Смоктуновский, играющий князя Мышкина, стал в несколько недель знаменит... Игра Смоктуновского так щедро и богата, состоит из такого множества первоклассных тонкостей, что не истощается желание опять очутиться лицом к лицу с главным в этой игре и делать для себя новые открытия по частностям ее.

Первая же встреча зрителя со Смоктуновским, первое же его появление на сцене носят характер узнавания: да, это он, князь Мышкин, он такой и другим быть не может...

Первая сцена с князем Мышкиным: железная дорога, вагон, подъезды к Петербургу. Смоктуновский — Мышкин в штиблетах, в оранжевом плащике, в темной мягкой шляпе, поеживается от холода, сидя на краю

скамьи, постукивает чуть-чуть нога об ногу. Он зябок, нищенчат на вид, плохо защищен от внешнего мира. Но сразу же актер передает самое важное в князе Мышкине: во всей своей нищете он радостен, открыт внешнему миру, находится в счастливой готовности принять все, что мир ему пошлет. В исполнении Смоктуновского князь Мышкин — «весна света», та самая ранняя весна, что начинается в воздухе, в освещении и предшествует весне воды, весне зверей и леса, а потом и человека. Поезд бежит, в середине замутненного окна — крохотная дырка, сквозь нее видно, как бегут сосны петербургских пригородов. Князь Мышкин придвигается поближе к окну, весь в живом любопытстве, в наивной любознательности. Начинаются разговоры. Голос актера досказывает что представлено было внешним обликом; голос неуправляемый, без нажимов, курсивов, повелительности или дидактики — интонация вырывается сами собой, «от сердца», лишены всякой предумышленности. В этом тоненьком, не совсем установившемся теноре есть призыв детского. Голос Мышкина — Смоктуновского доверчивый, готовый к полнейшему сочувствию, в нем не слышно ничего принудительного для собеседника, напротив — этот голос ищет, как ему примкнуть к встречному голосу, примоститься к этому голосу, заразиться им, поддакнуть ему. Всякий диалог — борьба. Диалоги князя Мышкина в исполнении Смоктуновского парадоксальны: борьбы в них нет, это не диалоги, но желание вторить, найти в самом себе того человека, к кому обращена речь, откликнуться ему, втянуться в его внутренний мир.

Смоктуновский — актер обдуманного внутреннего вдохновения, все у него идет легко, свободно. В то же время каждый жест отчетлив, твердо запоминается, как держит князь в вытянутой руке свой нищенский узелок, как передает его служителю в прихожей генерала Епанчина; в этом узелке, в этих пожитках, закутанных в наивный домашний клетчатый платок, — все его социальное положение, все,

чем он держится во внешнем мире, и нужно, чтобы жест с узелком врезался в сознание зрителя. Когда Смоктуновский впервые снимает с головы свою темную шляпу, то зритель делает новое открытие. Перед ним наконец все лицо князя Мышкина: прибавилось лба, хорошо видны его непьющие, но длинные волосы с какими-то косицами, характерные волосы поэта, быть может миссионера, странствующего проповедника каких-то неведомых еще истин. Есть минута, когда Смоктуновский держит эту свою голову чуть-чуть напоказ, позволяя зрителю к ней повнимательнее присмотреться.

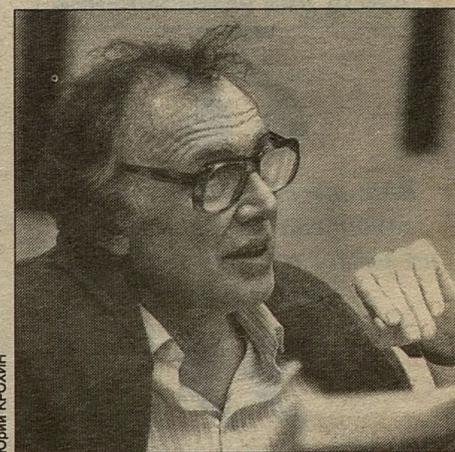
У этого актера дар внешне делать внутренним и внутренне осторожно и деликатно выражать вовне. Улыбка, светлый беглый смехок так же аттестуют князя Мышкина, как непосредственность интонаций. В сцене у генерала Епанчина, когда генерал, собственно, начисто от него отделяется, он так весело, так по-детски легко и просто, так светло-наивно не воспринимает обиды, что отношениям естественно принять новый оборот. Актер играет не только свое отношение к окружающим; в его игре — ключ к тому, как окружающие, в свой черед, относятся к нему, как встречают его. Смоктуновский играет — выразимся так — возвратно, в его игре дано, как возвратятся к нему самому сказанные им слова, как отразятся на других его движения и что другими будет сделано в ответ.

Сергей ЮРСКИЙ, актер, режиссер:

— Если бы за размер дарования от Бога человеку давалось бессмертие, если бы за количество сделанного в искусстве давалось бессмертие, если за влияние на людей давалось бы бессмертие, то Иннокентий Михайлович не умер бы. Но случилось уже непоправимое, и остается теперь обзреть все то, что им сделано, все то, что мы видели, то, чему удивлялись. Как коллеги могу сказать, что во многих его работах было то редчайшее чудо, когда нельзя понять, как это сделано. Вырублено из единого куска, сотворено целиком. Редчайшее достижение как на сцене, так и на экране. Иннокентий Михайлович — незабываемая фигура нашего искусства.

Михаил ШВЕЙЦЕР, кинорежиссер:

— В Москве без него чего-то недостает. Когда гений уходит, возникает ощущение, что сразу понизился уровень жизни. В последнее время ушло много сильных и настоящих грандиозных русских людей — таких как Евгений Леонов, Евгений Евстигнеев, Евгений Симонов. А теперь еще и Смоктуновский — друг и гениальный соотарищ по многим делам. Есть чувство, что опустело все вокруг.

Смоктуновский у микрофона

Об Иннокентии Смоктуновском, актере театра и кино, написано множество страниц. Менее известно, что великий артист любил работу на радио, охотно участвовал в радиоспектаклях, выступал у микрофона как тещ. Записал «Евгения Онегина», «Бедных людей» Достоевского, сыграл роль короля в драме Мишеля де Гельдерода «Эскориал».

Мне посчастливилось присутствовать на записи радиоспектакля «Мусоргский», в котором Смоктуновский выступал в качестве ведущего. Его ведущий — это как бы сам автор, который не только высказывает свою точку зрения, но и сталкивает разные суждения и оценки, комментирует письма и воспоминания, полемицируя иногда с современниками великого композитора.

Приходя в радиостудию, он основательно располагался в ней и работал настолько самозабвенно, что я боялся лишней раз щелчком затвора фотоаппарата помешать артисту. Улучив момент, когда запись прервалась, спросил Иннокентия Михайловича:

— Радиоспектакль о Мусоргском не первая ваша встреча с композиторами. Помню роль Петра Ильича Чайковского в фильме Игоря Таланкина...

— Добавьте сюда моцартиану. В телефильме режиссера Пчелкина «Маленькие трагедии» мне довелось сыграть Моцарта. Моим партнером, создателем Сальери, был Николай Симонов. А спустя годы я снялся в одноименном фильме Швейцера, уже в роли Сальери...

Иннокентий Михайлович говорил о музыке и композиторах так, как может говорить лишь человек, истинно любящий музыку. И на лице его светилась пленительная улыбка чуть постаревшего Юрия Деточкина...

Юрий КРОХИН